

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 10

МАЛЬТИЙСКИЙ
КРЕСТ ЛЕНИНГРАДА

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Мальтийский крест Ленинграда

<https://litres.ru/74043308>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ленинград, 1943 год. Блокада. Голод. Смерть на каждом углу. Но в промёрзших подвалах на Васильевском острове происходит нечто загадочное — немецких диверсантов находят с пробитым сердцем, в круге из восьми свечей, с нарисованным мелом мальтийским крестом.

Капитан госбезопасности Алексей Ухтомский берётся за расследование. Чем глубже он копает, тем страшнее находки: следы ведут в XVIII век — к императору Павлу I, Мальтийскому ордену и архиву, который охотятся найти все — от нацистов до британской разведки.

В наши дни искусствовед-реставратор Анна Ухтомская находит дневники прадеда. Из них она узнаёт, что тот скрыл правду, которую так старательно хоронили три поколения. Но готова ли она открыть тайну?

Два времени. Две судьбы. Одна загадка, способная переписать историю.

Мальтийский крест — молчаливый свидетель заговора, длящегося уже два с половиной века.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
ПРОЛОГ. «Восемь лучей над Невой»	5
ЧАСТЬ I. «ГОСПИТАЛЬЕРЫ»	12
ГЛАВА 1. «Крест на обложке»	12
ГЛАВА 2. «Капитан СМЕРШа»	18
ГЛАВА 3. «Хранитель тайн Эрмитажа»	24
ГЛАВА 4. «Кровь на паркете»	31
ГЛАВА 5. «Дневник фо	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мальтийский крест Ленинграда

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ. «Восемь лучей над Невой»

Время: 14 марта 1943 года, 23:30

Место: Ленинград, Василеостровский район, подвал разрушенного особняка

Блокада | Алексей Ухтомский

Ночь пахла гарью, сырым кирпичом и смертью.

Алексей Ухтомский прижимался спиной к холодной стене подворотни, слушая, как где-то наверху, над крышами, гудели моторы «юнкерсов». Налёт только что закончился — артиллерийские склады на Василеостровском получили прямое попадание. Второй за неделю. И второй раз — диверсант, который наводил «юнкерсов» сигнальными ракетами.

Он видел его. Три минуты назад — чёрный силуэт на фоне горящих складов, отблески огня на гладкой поверхности каски. Фигура метнулась в проулок, и Алексей — уже не думая, на одних инстинктах — бросился следом.

Сейчас он выдохнул, прислушался.

Ни шагов. Ни шороха.

Только ветер выл в разбитых окнах и где-то далеко плакала женщина — навзрыд, по-бабьи, надрывно.

Лейтенант Семёнов, его ординарец, отстал. Ещё когда бе-

жали через дворы, Алексей крикнул ему: «Оставайся, вызовешь подмогу», и нырнул в узкий проход между стенами. Сейчас он был один. И это было плохо.

Диверсант знал здешние подвалы — это чувствовалось. Он ушёл в развалины особняка, который когда-то, до войны, принадлежал то ли барону, то ли купцу, а теперь зиял дырами провалившихся крыш и чёрными глазницами окон.

Алексей достал пистолет — трофейный «вальтер», лёгкий, удобный — и шагнул в подвал.

Лесенка вела вниз, в темноту, которая пахла плесенью и старостью. Ступени хрустели под ногами — битое стекло, щепки, сухая штукатурка. Алексей шёл медленно, выставив пистолет вперёд, считая про себя шаги.

Десять. Пятнадцать. Двадцать.

Подвал оказался просторным — когда-то здесь, наверное, хранили дрова или уголь. Сводчатый потолок, кирпичные колонны, в углу — груда досок, накрытая рваным брезентом. Но главное, что увидел Алексей, когда глаза привыкли к полумраку — это свет.

Тёплый, живой свет свечей.

Восемь свечей. Они стояли на полу, на кирпичках, на перевернутом ящике, образуя неровный круг. И в центре круга — на спине, раскинув руки — лежал диверсант.

Алексей замер.

Он ждал засады, ждал выстрела из темноты, ждал — но только не этого.

Диверсант был мёртв. Это стало ясно сразу — неестественный изгиб шеи, остекленевшие глаза, открытый рот. Но не это заставило Алексея опустить пистолет на долю секунды.

Кровь.

Она растеклась по груди диверсанта тёмным пятном, пропитала немецкий мундир, капнула на кирпичный пол. Удар был нанесён в сердце — узкое, аккуратное отверстие, какое оставляет стилет или что-то в этом роде. Рядом на полу валялось лезвие — не немецкое, не наше, странной формы, с крестообразной гардой.

Алексей наклонился, поднял лезвие (не дотрагиваясь до острия — вдруг пальцы?). Гарда была массивной, серебряной, с выгравированными восемью лучами.

Мальтийский крест.

Его передёрнуло. Он уже видел такой символ — на старой книге в библиотеке, на табакерке у профессора Щербатова, в архивах Эрмитажа. Но здесь, в блокадном подвале, рядом с трупом немецкого диверсанта — это казалось диким, неуместным.

Он поднял глаза.

На стене, прямо над головой убитого, кто-то нарисовал мелом мальтийский крест. Аккуратно, с выверенными линиями, с восемью лучами, расходящимися от центра. А под крестом — дата: 1798.

1798 год. Год, когда Павел I стал гроссмейстером Маль-

тийского ордена.

Алексей выпрямился. Сердце колотилось глухо, но мысли стали холодными и чёткими — как всегда в такие минуты. Осмотреть подвал. Взять всё, что может быть уликой. Уйти до прихода Семёнова — чтобы не пришлось объяснять, почему он трогал тело.

Он обошёл круг свечей. Их было ровно восемь — ни больше ни меньше. И горели они давно — воск оплыл, фитили почернели. Их зажгли сразу после убийства. Или — во время? Ритуал. Это был ритуал.

У стены, на шатком столике из досок, Алексей нашёл рацию — немецкую, полевую, ещё тёплую. Рядом — карту Ленинграда, расстеленную на досках и придавленную кирпичом. Карта была исчеркана пометками: кружки, стрелки, даты. Вчерашний налёт на склады. Позавчерашний — на топливный терминал. И ещё три — будущие, намеченные на следующую неделю.

Диверсант был не один. Их было несколько. Целая сеть.

И кто-то — свои или чужие — начал их убивать.

Алексей сложил карту, сунул во внутренний карман шинели. Вернулся к телу. Присел на корточки, стараясь не наступить в кровь, и обыскал карманы убитого.

Жетон абвера. Пайка сухого пайка. Фото женщины — скорее всего, жены или невесты, снятой где-то в Баварии на фоне гор. И маленький кожаный мешочек, затянутый шнурком.

Алексей развязал шнурок, вытряхнул содержимое на ла-

донь.

Мальтийский крест.

Серебряный, старинный — это чувствовалось сразу по тяжести и характерному чернению на изгибах. Не такой, как на гарде стилета — тот был символическим, стилизованным. Этот — настоящий. Орденский знак, какие выдавали рыцарям Мальтийского ордена в XVIII веке.

Алексей перевернул крест. На обратной стороне — гравировка: «И.П. 1799».

И.П. — Император Павел.

1799 — год, когда он был гротмейстером.

— Что ты нашёл, капитан? — голос Семёнова раздался от лестницы, и Алексей резко обернулся.

Лейтенант стоял на верхней ступеньке, с автоматом наизготовку, щурясь от свечного света. За его спиной маячили ещё двое — бойцы из комендатуры.

— Поздно, Семёнов, — сказал Алексей, поднимаясь. — Диверсант мёртв.

— Вы его?

— Нет. Кто-то другой.

Он спрятал крест в карман шинели — быстро, почти незаметно. Карту и стилет тоже. Семёнову и бойцам не нужно было видеть всё это. Не сейчас. Потом, может быть, в кабинете генерала Глухова — но не здесь, в подвале, где каждая минута задержки могла означать, что кто-то замечает следы.

Он оглянулся на круг свечей, на мальтийский крест на

стене, на труп с пробитым сердцем.

— Осмотрите всё, — приказал он бойцам. — Рацию, документы, личные вещи. Всё, что найдёте, — ко мне в Смольный.

— Есть, — козырнул старший.

Алексей кивнул Семёнову:

— Пошли. Надо доложить Глухову, пока он не лёг спать.

Они вышли из подвала на холодный мартовский ветер. Небо над Ленинградом было чёрным — ни звёзд, ни прожекторов, только зарево от пожаров на складах розовело за крышами. Где-то на Петроградской стороне били зенитки — то ли по своим, то ли по чужим, в темноте не разобрать.

— Капитан, — тихо спросил Семёнов, когда отошли подальше, — что там было? На стене? Я видел какой-то крест...

— Мальтийский, — сказал Алексей. — Знак старинного рыцарского ордена.

— А свечи?

— Ритуал.

Они помолчали. Ветер гнал позёмку по асфальту, засыпая воронки и развалины.

— Это не просто диверсанты, Семёнов, — сказал Алексей, не оборачиваясь. — Кто-то играет в рыцарей. Кто-то, кто знает историю лучше, чем положено обычному убийце.

Он сжал в кармане шинели серебряный крест и почувствовал под пальцами гравировку: «И.П. 1799».

Завтра утром он начнёт расследование.

Но уже сейчас, глядя на чёрную воду Невы, закованной в лёд, Алексей знал: это дело будет не из простых. Слишком много символов. Слишком много старых имён, которые, казалось, давно истлели в земле, но снова выползли на свет.

Над городом взлетели сразу восемь прожекторных лучей — шарили по небу, искали врага. Восемь лучей, расходящихся из одной точки.

Как на мальтийском кресте.

Ирония судьбы.

Алексей поправил воротник шинели и зашагал быстрее. Холод пронимал до костей.

ЧАСТЬ I. «ГОСПИТАЛЬЕРЫ»

ГЛАВА 1. «Крест на обложке»

Время: 14 марта 1943 года, 09:00

Место: Ленинград, Смольный, кабинет Алексея

Блокада | Алексей Ухтомский

Кабинет Алексея Ухтомского в Смольном был маленьким, тесным и холодным — как всё в блокадном Ленинграде. Стены помнили прежних хозяев: до войны здесь, кажется, сидел какой-то инструктор горкома, потом — военный прокурор, потом — оперативный работник НКВД. Мебель была казённой, тяжёлой, с выдвижными ящиками, которые плохо закрывались. На столе — красная ковровая дорожка (выцвела до кирпичного оттенка), чернильный прибор (пустой — чернила замёрзли), телефон и стопка папок с грифом «Секретно».

Алексей сидел в своём кресле, сжимая в кармане шинели серебряный мальтийский крест. Стилет и карту диверсанта он оставил дома — не хотел объяснять, откуда они у него, прежде чем сам поймёт, что к чему.

— Чего ты добиваешься, Ухтомский? — Генерал Глухов стоял у окна, спиной к Алексею, и смотрел на заснеженный

двор Смольного. — Налёт на склады — дело военных. Диверсанты — дело СМЕРШа. Твоя задача — архивы, трофеи, историческая ценность. А не охота на шпионов.

— Товарищ генерал, — Алексей поднялся, одёрнул гимнастёрку. — Диверсант, которого я преследовал, был убит. Не мной. Кем-то другим. И убит не из пистолета, не ножом — стилетом. С крестообразной гардой. А на стене подвала кто-то нарисовал мелом мальтийский крест.

Глухов медленно повернулся. Ему было под шестьдесят, но выглядел он бодро — сухое лицо, седые виски, цепкий взгляд человека, который тридцать лет проработал в органах и знает, когда ему врут, а когда — нет.

— Мальтийский крест, — повторил он, не вопросом, а утверждением.

— И ещё. — Алексей вытащил из кармана кожаный мешочек, развязал шнурок и вытряхнул на ладонь серебряный крест. — Это было у диверсанта. В кармане.

Глухов подошёл ближе, взял крест, повертел в пальцах. Его лицо оставалось непроницаемым, но Алексей заметил, как дёрнулась щека — верный признак того, что генерал удивлён или встревожен.

— И.П. 1799, — прочитал Глухов гравировку. — Император Павел. Год, когда он стал гроссмейстером Мальтийского ордена.

— Вы знаете эту вещь?

— Таких крестов было двенадцать, — сказал Глухов, воз-

вращая крест. — Павел I заказал их для высших сановников ордена — для командора, для казначея, для десяти самых верных рыцарей. Один хранится в Эрмитаже, в запасниках. Остальные исчезли после революции. Я видел этот крест один раз — в 1916 году, у одного человека, который потом был убит.

— У кого?

Глухов помолчал. Посмотрел на дверь, затем на запертое окно.

— У Григория Распутина, — тихо сказал он. — Я был тогда молодым офицером охраны, прикомандированным к Министерству двора. Распутин хвастался этим крестом перед императрицей. Говорил, что это ключ к тайне, которая спасет династию. А через несколько месяцев его убили. Крест исчез.

Алексей замер.

Распутин. Мальтийский крест. И теперь этот же крест находят у немецкого диверсанта в блокадном Ленинграде.

— Товарищ генерал, — сказал он медленно, — вы хотите сказать, что немецкие диверсанты охотятся за каким-то царским кладом?

— Не за кладом, Ухтомский. За архивом. — Глухов сел за стол, жестом пригласил Алексея сесть напротив. — Павел I перед смертью спрятал документы Мальтийского ордена. Письма, буллы папы, имена тех, кто стоял за заговором. В 1917-м об этом вспомнили. Распутин искал архив. После ре-

волюции искали белые. Потом — эмигранты. А теперь, похоже, и нацисты.

— И что в этом архиве такого ценного?

— Там имена, Ухтомский. — Глухов понизил голос. — Имена людей, которые правили Россией. И тех, кто помог им прийти к власти. Если эти имена всплывут — рухнет не одна аристократическая фамилия. И не только в России.

Алексей молчал, переваривая услышанное.

— Поэтому я прошу разрешения на расследование, — сказал он наконец. — Неофициальное. Три дня. Я проверю связь между убитым диверсантом, мальтийским крестом и тем, что вы рассказали.

Глухов смотрел на него долгих десять секунд. Потом кивнул.

— Три дня, Ухтомский. Ровно три дня. И — ни слова СМЕРШу. Если узнают — тебя сожрут. Меня тоже.

— Я понял.

— И ещё. — Глухов достал из сейфа тонкую папку, положил перед Алексеем. — Это дело № 47-К. Открыто в 1937 году. Рассекречено? Нет. Но тебе пригодится.

Алексей раскрыл папку. На первой странице — машинописный текст:

Дело № 47-К. «Мальтийский архив». Заведён 15 мая 1937 года. Основание: агентурные данные о поиске документов Павла I представителями германской разведки.

Ниже — список из пяти фамилий. Немецкие, английские,

одна русская. И приписка от руки, карандашом, почти стёршаяся:

«Распутин знал. Крест — ключ. Ищите зеркало».

Алексей поднял глаза на Глухова.

— Что за зеркало?

— Не знаю, — ответил генерал. — Но тот, кто это писал, был расстрелян в 1938-м как немецкий шпион. Может быть, зря. А может быть, и нет.

Он встал, показывая, что разговор окончен.

— Три дня, Ухтомский. И помни: если наткнёшься на что-то, что связано с живыми людьми — докладывай мне лично. Никому больше.

— Есть, — козырнул Алексей.

Он вышел из кабинета, держа папку под мышкой. В коридоре Смольного былолюдно — офицеры, курьеры, машинистки. Все торопились, никто ни на кого не смотрел.

Семёнов ждал у лестницы.

— Ну что, капитан?

— Три дня, лейтенант. — Алексей зашагал к выходу. — Начинаем с Эрмитажа.

— А что в Эрмитаже?

— Крест. Тот, что в запасниках. Глухов сказал — один экземпляр хранится там. Может быть, он поможет понять, откуда взялся этот.

Он похлопал по карману шинели, где лежал серебряный крест с гравировкой «И.П. 1799».

И ещё — зеркало. Какое-то зеркало, связанное с Распутиным и с этим делом. Но об этом он пока не сказал даже Семёнову.

Слишком много загадок для одного утра.

Слишком мало времени.

ГЛАВА 2. «Капитан СМЕРШа»

Время: 15 марта 1943 года, 14:00

Место: Ленинград, Лиговский проспект, штаб СМЕРШ

Блокада | Алексей Ухтомский

Штаб СМЕРШ на Лиговском проспекте размещался в бывшем доходном доме, который до войны сдавал квартиры инженерам и врачам. Теперь здание напоминало растревоженный улей: в подвалах — допросные, на первых этажах — оперативные отделы, выше — общежитие для вольнонаёмных. У входа толпились люди в штатском и военной форме, курили, переговаривались вполголоса, поглядывали на каждого входящего с профессиональным недоверием.

Алексей предъявил удостоверение дежурному, назвал фамилию Воронова. Дежурный кивнул, показал на лестницу: «Третий этаж, комната тридцать семь. Только он не один, у него доклад».

Поднимаясь, Алексей прокручивал в голове разговор с Глуховым. Три дня. Три дня на то, чтобы понять, связан ли мальтийский крест с диверсантами, и если да — то как. Он почти не спал — всё думал о восьми свечах, о рисунке на стене, о серебряном кресте с гравировкой «И.П. 1799».

А ещё — о зеркале.

Он вспомнил зеркало Распутина — то самое, которое на-

шёл в прошлом году при расследовании дела о секретере Павла I. Тогда, в особняке Юсуповых, он извлёк из зеркала список агентов, работавших на Германию. Дело было закрыто, список ушёл в архив.

Но теперь Глухов обмолвился о каком-то «ключе». И в деле № 47-К была фраза: «Распутин знал. Крест — ключ. Ищите зеркало».

Алексей нашёл зеркало. Нашёл список. Но креста там не было.

Значит, либо он что-то упустил. Либо в зеркале есть ещё один слой — тот, который он не заметил в прошлый раз.

Комната 37 оказалась угловой, с высокими окнами, выходящими во двор. Дверь была приоткрыта. Алексей постучал и вошёл.

Внутри стоял долговязый капитан в идеально выглаженной гимнастёрке, с погонами СМЕРШа — голубой просвет на зелёном поле. Он развешивал на стене карту Ленинграда, утыканную флажками. На столе — горы папок, телефон, полевой бинокль и пистолет ТТ в расстёгнутой кобуре.

— Капитан Воронов? — спросил Алексей.

— Он самый. — Воронов обернулся. Молодой, лет двадцати восьми, с острыми скулами, светлыми бровями и глазами такого холодного серого цвета, что в них можно было смотреться как в зеркало. — А вы?

— Ухтомский. Капитан госбезопасности. Направлен генералом Глуховым.

Воронов усмехнулся:

— Глухов? Этот старый пердун ещё не на пенсии?

— Он мой начальник, — сухо сказал Алексей. — Я по делу о вчерашнем диверсанте. На Василеостровском.

— А, тот, которого нашли в подвале с восемью свечами.

— Воронов вернулся к карте, приколот очередной флажок.

— Слышал. И что вас интересует?

— Кто его убил.

Воронов повернулся, сел на край стола, скрестил руки на груди.

— Никто, капитан. Он сам себя убил.

— Как это?

— А так. — Воронов кивнул на папки. — У нас уже четвёртый труп за месяц. Все — немецкие диверсанты, все убиты одинаково: удар в сердце узким лезвием. Рядом — свечи, кресты, масонские знаки. Знаете, что я думаю?

— Что это внутренние чистки Абвера.

Воронов приподнял бровь:

— А вы неглупы. Да. Немцы заматают следы. Убирают тех, кто слишком много знает. А ритуалы — это чтобы запутать нас. Отвлечь внимание.

— Слишком сложно для простой чистки, — возразил Алексей. — Свечи, кресты, дата 1798 на стене. Кто-то старается. Кто-то, кто знает историю.

— Масоны, — усмехнулся Воронов. — Бывшие. Или те, кто играет в масонов. А может, и вовсе наш умелый прово-

катор. — Он прыгнул со стола, подошёл к Алексею вплотную. — Послушайте, Ухтомский. У нас война. Каждый деньдохнут люди. От голода, от бомбёжек, от пуль. И вы хотите тратить время на расследование рыцарских ритуалов?

— Я хочу понять, кто и зачем убивает немецких агентов на нашей территории. Может быть, это наш человек. А может быть, кто-то третий.

Воронов помолчал. Потом кивнул, вернулся к столу, открыл одну из папок, вытащил фотографии.

— Смотрите.

Алексей взял снимки. Чёрно-белые, плохого качества — снятые в подвалах, при тусклом свете. На первой — труп мужчины в гражданском, на груди тёмное пятно крови. На второй — крупным планом рука убитого. На запястье — татуировка.

Алексей приблизил снимок.

Восемь лучей, расходящихся из центра. Мальтийский крест. И под ним — дата: 1798.

— Это у всех четверых? — спросил он.

— У троих. У вчерашнего, вашего — не было татуировки. Или не успели посмотреть. — Воронов сел, достал папиросу, закурил. — Вывод: эти ребята были связаны. Может быть, одна и та же диверсионная школа. Может быть, секта.

— Или рыцарский орден, — тихо сказал Алексей.

Воронов засмеялся — сухо, без веселья.

— Рыцарский орден, капитан? В двадцатом веке? Вы се-

рьёзно?

— Мальтийский орден существует до сих пор. У них есть посольство в Риме. Они выпускают марки, имеют свой паспорт. Это не шутка.

— Для меня — шутка. — Воронов затушил папиросу, посмотрел на Алексея в упор. — Я прагматик, Ухтомский. Мне нужны факты, а не легенды. Немецкие агенты умирают — хорошо. Кто их убивает — неважно, лишь бы не наши. А вы... — он сделал паузу, — вы, кажется, ищете то, чего нет.

— Может быть, — ответил Алексей, пряча фотографии в карман. — А может быть, ищущее то, что другие боятся найти.

Воронов пожал плечами:

— Ваше право. Папку можете взять, я сниму копию. Только верните через два дня.

— Спасибо.

Алексей уже взялся за дверную ручку, когда Воронов окликнул его:

— Ухтомский.

— Да?

— Вы к Глухову ходили. Он что-нибудь сказал про мальтийский крест?

Алексей обернулся.

— Сказал, что это старинная реликвия. И что такие кресты исчезли после революции.

— А вы верите?

— Вам какое дело?

Воронов улыбнулся — той холодной улыбкой, которая не трогает глаз.

— Мне, капитан, есть дело до всего, что происходит в этом городе. И если вы наткнётесь на что-то, что связано с СМЕРШем — вы знаете, где меня найти.

Он кивнул на дверь, давая понять, что разговор окончен. Алексей вышел в коридор. За его спиной Воронов снова принялся прикалывать флажки к карте.

Идя по Лиговскому в сторону Невского, Алексей думал о том, что Воронов слишком спокоен. Слишком уверен. Словно знает больше, чем говорит. Или — наоборот — нарочно делает вид, что ничего не знает.

Татуировка 1798 года. Четыре трупа. Мальтийский крест у диверсанта. И Распутин, который когда-то хвастался таким же перед императрицей.

Алексей вспомнил зеркало в запасниках Эрмитажа. В прошлом году он нашёл в нём список, но не проверил — нет ли там чего-то ещё. Глухов обмолвился о «ключе». Может быть, ключ — это мальтийский крест. И он всё это время лежал там, под слоем амальгамы, дожидаясь своего часа.

Значит, завтра — в Эрмитаж. К профессору Щербатову. Он поможет проверить зеркало.

Что-то здесь не сходилось.

И Алексей чувствовал, что самое интересное — впереди.

ГЛАВА 3. «Хранитель тайн Эрмитажа»

Время: 16 марта 1943 года, 11:00

Место: Ленинград, Эрмитаж, отдел нумизматики

Блокада | Алексей Ухтомский

Эрмитаж в блокаду был другим городом внутри города. Огромные залы, где когда-то толпились экскурсанты и иностранцы, теперь стояли пустыми, холодными, тёмными. Окна заложили мешками с песком, картины вывезли в Свердловск, скульптуры зарыли в подвалах. Но музей работал. Несколько десятков сотрудников — измождённых, голодных, но одержимых — продолжали хранить то, что осталось.

Отдел нумизматики находился на первом этаже, в бывшей гардеробной, переоборудованной под хранилище. Здесь пахло старым деревом, металлом и чем-то сладковатым — то ли ладаном, то ли мастикой для восковых печатей.

Профессор Щербатов сидел за столом, склонившись над лупой. Ему было под семьдесят — седая борода, глубокие морщины, пальцы с распухшими суставами. Но глаза — живые, цепкие, молодые. Когда Алексей вошёл, профессор поднял голову и улыбнулся:

— Капитан Ухтомский. Снова вы. Опять какая-то старая

тайна?

— Здравствуйте, профессор. — Алексей снял шапку, присел на табурет. — И да, опять. На этот раз — мальтийский крест.

Щербатов отложил лупу, сцепил пальцы замком.

— Мальтийский? При Павле I?

— Именно.

— Тогда вы по адресу. — Профессор встал, опираясь на трость, и жестом пригласил следовать за ним. — Пойдёмте. Я покажу вам кое-что.

Они прошли по длинному коридору, где висели портреты старых директоров Эрмитажа, потом спустились в подвал. Здесь было ещё холоднее, но суше. Щербатов открыл массивную дверь с двумя замками, зажёл керосиновую лампу.

— Добро пожаловать в нашу сокровищницу.

Комната оказалась небольшой, с кирпичными сводами и железными стеллажами. На них — шкатулки, ларцы, свёртки в ткани. Профессор прошёл в дальний угол, снял с полки тяжёлый деревянный ларец, поставил на стол.

— То, что вы увидите, — сказал он, открывая крышку, — не экспонировалось ни разу. Даже до войны.

Алексей заглянул внутрь.

Там лежали регалии. Не копии — настоящие.

Корона. Не императорская, не царская — другая. Мальтийская. Из позолоченного серебра, с восемью зубцами в виде крестов. Держава — поменьше, чем государственная, но

такой же тяжёлой работы. Скипетр — гладкий, без украшений, только навершие в виде мальтийского креста.

И большой командорский крест.

Щербатов бережно взял его, показал Алексею.

— Павел I заказал эти регалии в 1798 году, когда стал гроссмейстером. Мальтийский орден после захвата Мальты Наполеоном лишился своей резиденции, и император предложил России новый дом для рыцарей.

— Он хотел перенести орден в Петербург, — кивнул Алексей. — Я читал.

— Не просто хотел. Он это сделал. Орден получил земли, церкви, права. Павел считал себя защитником христианства от революционной заразы. — Щербатов вернул крест в ларец, закрыл крышку. — Но заговорщики думали иначе. Императора убили. А его мальтийская мечта умерла вместе с ним.

— Но остался архив.

Профессор поднял бровь.

— Откуда вы знаете?

— Глухов сказал.

— Глухов... — Щербатов покачал головой. — Этот человек знает слишком много. Да, капитан. Перед смертью Павел I спрятал часть документов Мальтийского ордена. Где — неизвестно. Место знали только командор и камергер. Их убили в ту же ночь, что и императора. Тайник не найден до сих пор.

— А если я скажу, что немецкие диверсанты ищут этот архив?

Щербатов побледнел.

— Это плохо, капитан. Очень плохо. В архиве — не просто бумаги. Там — имена. Людей, которые помогали заговорщикам. Их потомки до сих пор живы. В России, в Европе, в Англии.

— И если эти имена всплывут...

— Начнётся охота, — закончил профессор. — Кто-то захочет их опубликовать. Кто-то — уничтожить. И те, и другие не остановятся ни перед чем.

Алексей помолчал. Потом полез в карман шинели, достал кожаный мешочек, вытряхнул на ладонь серебряный крест.

— Профессор, вы знаете эту вещь?

Щербатов взял крест дрожащими пальцами, поднёс к лампе. Повертел. Посмотрел на гравировку. Его лицо, и без того бледное, стало серым.

— И.П. 1799, — прошептал он. — Это командорский знак. Один из двенадцати. — Он поднял глаза на Алексея. — Этот крест был на груди командора, когда того убили в 1801 году. Он исчез. Считался утерянным навсегда.

— Откуда он у вас?

Алексей не ответил.

— Профессор, я прошу вас — ни слова. Никому.

Щербатов сжал крест в кулаке, потом осторожно вернул.

— Кто вы, капитан? Неужели вы...

— Я не охотник за сокровищами, — перебил Алексей. — Я офицер госбезопасности. И я пытаюсь понять, кто убивает немецких диверсантов в Ленинграде. Этот крест нашли у одного из них.

— У немца? — Щербатов опешил. — Но как он мог попасть к немцам?

— Это мы и пытаемся выяснить.

Профессор прошёлся по комнате, опираясь на трость. Остановился у стеллажа, провёл пальцем по корешкам старых книг.

— Капитан, вы знаете легенду о зеркале Распутина? Алексей внутренне напрягся. Зеркало. Снова зеркало.

— Что-то слышал.

— Распутин утверждал, что в зеркале, под слоем амальгамы, спрятан ключ к мальтийскому архиву. Якобы он сам замуровал крест в зеркало перед смертью. А потом зеркало куда-то исчезло.

— Профессор, — медленно сказал Алексей, — а если я скажу вам, что зеркало нашлось? И что оно стоит в ваших запасниках?

Щербатов замер.

— То есть... оно здесь? Всё это время?

— Да. Я сам нашёл его в прошлом году при другом расследовании. Извлёк из зеркала список агентов. Но креста там не было.

— Значит, либо легенда врёт, — профессор говорил быст-

ро, возбуждённо, — либо вы не до конца проверили зеркало. Амальгама может иметь несколько слоёв. В XVIII веке мастера иногда делали двойное покрытие. Одно — для видимости, второе — для тайны.

У Алексея перехватило дыхание.

Неужели он упустил? Неужели крест всё это время был там, под вторым слоем амальгамы?

— Профессор, — сказал он, вставая, — вы сможете помочь мне проверить зеркало?

— Когда угодно, капитан. — Щербатов уже шагал к выходу, забыв про трость. — Хотя бы сегодня.

— Сегодня не получится. Нужно подготовиться. Завтра утром я буду у вас.

Они вернулись в отдел нумизматики. Алексей забрал крест, спрятал в карман.

— Профессор, ещё раз — молчок.

— Я нем как рыба. — Щербатов перекрестился. — Но, капитан... будьте осторожны. Если этот крест действительно командорский, за ним могут охотиться не только немцы.

— Знаю, — ответил Алексей и вышел.

На улице мороз щипал лицо. Он посмотрел на серое небо, на заснеженные крыши Эрмитажа, на колонны, покрытые инеем.

Завтра он проверит зеркало. Если крест действительно там был — значит, Распутин не врал. Значит, архив существует. И кто-то очень хочет его найти.

Алексей зашагал к Смольному.

Сзади, из подворотни, за ним наблюдали два глаза. Холодных, серых, внимательных.

ГЛАВА 4. «Кровь на паркете»

Время: 17 марта 1943 года, 19:00

Место: Ленинград, набережная Мойки, особняк Юсупо-

ВЫХ

Блокада | Алексей Ухтомский

Особняк Юсуповых на Мойке помнил лучшие времена. До революции здесь гремели балы, собирались министры, банкиры, великие князья. Теперь здание стояло мрачным, заколоченным, с облупившейся штукатуркой и выбитыми окнами на втором этаже. Входную дверь забили досками, но Алексей нашёл лаз через подвальное окно — кто-то уже побывал здесь до него, отогнув железные прутья решётки.

Адрес он нашёл в рации убитого диверсанта. Записанный карандашом на внутренней стороне крышки: «Мойка, 94, подвал». Ни имени, ни пояснений. Только адрес.

Алексей включил фонарик — маленький, трофейный, дававший узкий луч света. Прошёл по подвальному коридору, мимо старых труб и груд угля. Сырость облепила стены, воздух пах плесенью, мышами и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным. Он вспомнил этот запах. Так пахнет старый воск и застывшая кровь.

В конце коридора была дверь. Тяжёлая, дубовая, с бронзовой ручкой в виде львиной головы. Алексей толкнул её —

она открылась без скрипа, словно кто-то смазал петли недавно.

Он вошёл.

Комната, в которой убили Григория Распутина.

Он узнал её по описаниям. Сводчатый потолок, камин, низкие окна под самым потолком. Стены когда-то были обиты малиновым штофом, но теперь ткань висела клочьями, обнажая голую штукатурку. Посередине комнаты — пустой стол, на нём огарок свечи и старый графин. На полу — тёмные пятна. Вода? Нет. Что-то другое.

Алексей провёл лучом по стенам.

Вот место, где, по легенде, стоял иконостас. Вот дверь, через которую Распутин выбежал во двор. А вот — кафельная плитка у камина. Неровная, будто её отдирали и снова ставили на место.

Он подошёл ближе, присел на корточки. Плитка действительно отходила от стены. Алексей поддел её ножом — та поддалась. За ней была пустота. Небольшое углубление, выдолбленное в кирпичной кладке. И в нём — свёрток.

Алексей вытащил его, развернул.

Дневник в кожаном переплёте. Немецкий, судя по шрифту на обложке. И старая фотография — сепия, плотный картон, по краям золотой ободок.

Он поднёс фонарик к снимку.

Распутин. Сидит в кресле, в расстёгнутой рубахе, с крестом на груди. Тот самый крест — серебряный, мальтий-

ский, с гравировкой, которую Алексей уже знал наизусть. Рядом с Распутиным — женщина в придворном платье, с высокой причёской. Лицо не разобрать — тень упала. На обороте — карандашная подпись: «1916, декабрь. Григорий и Фрейлина».

Фрейлина. Одна из тех, кто был приближён к императрице. Возможно, та самая, которая потом исчезла после революции.

Алексей спрятал дневник и фото в карман. Проверил тайник — больше ничего. Кто-то побывал здесь до него и забрал основное. Оставил только дневник и фотографию. Почему? Не успел? Или нарочно?

Он осмотрел комнату ещё раз. В углу, за дверью — ещё один тайник? Нет. Только обломки кирпича и битое стекло.

Перед уходом Алексей остановился у порога, обернулся.

Странное место. Много лет спустя здесь всё ещё чувствовалась тяжесть — не мистическая, нет, он не верил в мистику. Но память о смерти остаётся в стенах, как запах табака в шторах. И если прислушаться, можно услышать эхо выстрелов.

Распутин утверждал, что знает тайну, способную уничтожить несколько аристократических семей. Может быть, поэтому его убили не только Юсуповы? Может быть, за спиной Феликса стояли те, кто хотел заставить «старца» замолчать навсегда?

Алексей вышел в коридор, задвинул за собой дверь.

В подвале было тихо. Только капала вода где-то в трубах, да шуршали мыши.

Он уже подходил к выходу, когда услышал шаги. Сверху, по лестнице, ведущей в вестибюль.

Кто-то спускался.

Алексей выключил фонарик, прижался к стене. Достал пистолет, снял с предохранителя.

Шаги приближались. Один человек. Мужской. Без фонаря — идёт на ощупь или знает дорогу наизусть.

— Капитан Ухтомский, — раздался голос из темноты. — Не стреляйте. Это я.

Луч фонарика ударил в лицо Алексею, и он зажмурился.

— Воронов?

— Он самый. — Капитан СМЕРШа спустился на несколько ступеней, остановился, сунув руки в карманы шинели. — Слежу за вами с полудня. Вы сегодня активны.

— Вы за мной следите?

— Не доверяю я Глухову, — спокойно ответил Воронов. — И вам не доверяю. Поэтому — да. Слежу.

Алексей спрятал пистолет.

— Что вам нужно?

— Узнать, что вы нашли. — Воронов спустился в подвал, подошёл вплотную. — Ну? Дневник? Фотография? Показывайте.

Алексей помедлил. Потом достал дневник, протянул.

Воронов пролистал страницы, осветил фонариком.

— Немецкий. Не мой профиль. Переведёте?

— Завтра.

— А фотография? — Воронов поднял глаза. — Распутин, я правильно понимаю?

— Да. С мальтийским крестом.

— Тем самым, который нашли у диверсанта?

— Похоже.

Воронов вернул дневник. Повертел фотографию в руках, посмотрел на свет.

— Женщина рядом с ним. Кто?

— Не знаю. Фрейлина. Имя не указано.

— Распутин и фрейлина. 1916 год. За месяц до убийства.

— Воронов спрятал фотографию в карман. — Это я заберу. На экспертизу.

— Нет, — твёрдо сказал Алексей. — Вы отдадите.

— Капитан, — Воронов усмехнулся, — вы забываете, кто я. Я — СМЕРШ. У меня полномочий больше, чем у вас. И если я говорю, что фотография нужна для следствия — она будет у меня.

Алексей шагнул вперёд, посмотрел Воронову в глаза.

— У вас есть официальное задание на это дело?

Воронов молчал.

— Нет, — сказал Алексей. — Вы работаете на себя. Как и я. Поэтому фотография останется у меня. А копию я вам сделаю завтра.

Он протянул руку.

Воронов секунду смотрел на него, потом — неожиданно — засмеялся.

— Хорошо, Ухтомский. Ваша взяла. — Он вернул фотографию. — Но завтра — копия. Даю слово.

— Дадите.

Они вышли из особняка на мороз. Небо очистилось, звёзды мерцали над замёрзшей Мойкой. Вдали, за крышами, били прожекторы — шарили по небу, искали врага.

— Идёмте, — сказал Воронов, закуривая. — Провожу вас до Смольного. Вдруг диверсанты нападут.

— Вы же говорили, что они мёртвы.

— Четверо — мёртвы. Сколько их ещё — неизвестно. — Воронов выпустил дым в морозный воздух. — Поэтому я и слежу за вами, Ухтомский. Не потому, что не доверяю. А потому, что вы — единственный, кто нашёл хоть какую-то нить.

Алексей ничего не ответил. Они пошли по набережной, молча, каждый думая о своём.

Алексей сжимал в кармане дневник и фотографию.

Фрейлина. Кто она? Может быть, та самая, что потом исчезла. Может быть, та, чьё имя в списке Распутина.

Завтра — перевод дневника. И завтра — зеркало в Эрмитаже.

Что-то подсказывало Алексею, что разгадка близка.

ГЛАВА 5. «Дневник фо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.